

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА

(К вопросу об этнических рубежах в Европе)

Современные этнические рубежи в Европе вряд ли можно считать стабильными. Процесс национальной консолидации, процесс формирования тех наций, которые, по образному выражению товарища Сталина, «опоздали»¹ самоопределиться к началу XX в., еще не закончился. Существует в Европе много этнографических территорий, которые расположены в чуждых им национальных государствах, и борьба за национальную независимость для народов этих территорий не сошла с порядка дня. Трудно предположить, что заключенные в результате второй мировой войны договоры полностью разрешат национальную проблему: сохранится, конечно, много поводов для этно-территориальных споров, и поэтому вопрос об этнических рубежах будет попрежнему привлекать к себе внимание прогрессивной общественности и требовать научного изучения.

В некоторых национальных государствах, оформившихся после первой мировой войны или преобразованных в результате второй мировой войны, не потеряли своего значения внутренние линии демаркации, делящие один и тот же народ на группы по признаку языка и религии. В Эйре, например, ирландцы делятся на говорящих по-ирски и по-английски; в Югославии сербы и хорваты, говорящие на одном языке, делятся на православных, католиков и мусульман. Каждая из этих инакоговорящих и инаковерующих групп населения имеет отличия в быту, верованиях и традициях. Все это остатки прошлого, следствия чужеземных влияний и национального угнетения, результаты несправедливого состояния, но эти пережитки очень живучи. В Эйре с большим трудом и крайне медленно английский язык вытесняется языком кельтским. В Югославии религия все еще определяет быт и нравы людей, разобщая этнически родственные группы. Можно ли эти внутренние линии демаркации народов приравнять к разновидностям этнических рубежей, нуждаются ли они в этнографическом изучении и определении — этот вопрос не решен наукой. Не решен наукой и вопрос о том, в какой мере нужно учитывать при определении этнических рубежей национальное самосознание. Следует ли, например, выделять в особую народность (и в зависимости от этого определять рубежи ее этнической территории) корсиканцев или сицилийцев? Как установить этнические рубежи эльзасцев?

¹ И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, М., 1939, стр. 13.

Несомненно, что некоторое количество таких вопросов разрешится само собой по мере развития национальной культуры изучаемых народов, но не нужно закрывать глаза на то, что в ряде случаев сжидание результатов этого развития может растянуться на многие годы. Процесс национального возрождения в странах, освободившихся от чужеземного гнета, и процесс дальнейшего развития национальной культуры требуют определенных условий для успеха, а эти условия существуют в настоящее время не во всех странах. Среди таких условий самым главным, как показал товарищ Сталин², является демократизация страны. В Югославии, в Албании процесс национальной консолидации проходит в демократических условиях, и потому, вероятно, не за горами то время, когда геги и тоски будут называть себя только албанцами и когда в Югославии религиозные деления потеряют всякую остроту. В Эйре подобных условий пока не существует. Не потому так труден и медлителен процесс национального возрождения ирландцев, что кельтский этнический элемент недостаточно силен по сравнению с англосаксонским, а потому, что реакционная политика господствующих классов Эйре затрудняет свободное развитие национальной культуры, которая есть лишь разновидность культуры вообще. Чем дольше будет задерживаться внутреннее развитие таких стран, как Эйре, тем дольше, очевидно, придется этнографам иметь дело с вопросами их внутренних этнических демаркаций.

Какие именно из этих узких и широких этнических рубежей подлежат изучению и определению этнографа, как разобраться в чих и как отобразить в научном описании и на этнографической карте — эти вопросы требуют еще своего разрешения.

1

Само понятие этнической границы нуждается в научном определении. В привычном и наиболее общем определении этническая граница есть рубеж между двумя национальными территориями, причем такой рубеж называют и этнографической границей. Можно было бы отделить понятие этнической границы от границы этнографической, назвав этнической — границу между народами, а этнографической — границу между отдельными ветвями или разновидностями одного и того же народа. Но, в конце концов, всякая этническая граница может быть в одно и то же время и границей этнографической и между ними нет принципиальной разницы. Поэтому, чтобы не усложнять терминологию, я употребляю термин «этническая граница» для обоих этих случаев.

Виднейший славист прошлого века П. Шафарик не употреблял термина этническая или этнографическая граница. Он говорил о демаркационных линиях, представляющих собой рубеж компактного расселения народов³. В основе демаркационных линий П. Шафарика лежали главным образом сведения о распространении языков, наречий и говоров, хотя сам Шафарик хотел дать не языковые границы, а границы «славянских жилищ», т. е. расселения славянских народов⁴. Те данные о расселении, которыми располагал чешский этнограф, были почерпнуты им от его корреспондентов. Характер источников определил схематичность

² И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, М., 1939, стр. 15.

³ П. Шафарик, Славянское народописание, Перевод с чешского И. Боянского, М., 1843. Предисловие, стр. II и III.

⁴ «Я устремил все свои усилия преимущественно на то, чтобы представить нечто целое, т. е. правильный, легко обозначимый образ положения и разветвления всего славянского племени.— писал П. Шафарик.— А потому главная задача — подробное определение жилищ; напротив, грамматическое означение речей и наречий и взгляд на словесность приданы только как второстепенные добавления, для сообщения большей ясности целому» (Славянское народописание, стр. II).

и грубую приближенность линий этнической демаркации славянских народов у П. Шафарика.

Развитие демографической статистики в европейских странах, происшедшее после выхода в свет основных работ П. Шафарика, дало возможность привлечь к выявлению этнических рубежей более точные данные и подвести под это дело солидную базу сплошного учета населения по национальностям. Первоначально этнический учет велся по признаку религиозной принадлежности и национальному происхождению; позже этническая статистика в некоторых странах отказалась полностью или частично от этого метода (в Бельгии, Швейцарии, Германии, Австро-Венгрии и др.) и перешла к учету населения по признаку разговорного языка (языка, употребляемого в быту) или родного языка («материнского»). Оба эти метода имели свои положительные качества — в особенности по сравнению с учетом населения по религиозному признаку, но достоинства новых методов значительно преувеличивались на первых порах теми, кто являлся их апологетами. В Пруссии (несколько позже — во всей Германии) получил распространение этнический учет по «материнскому языку», в Австро-Венгрии и Италии — по языку бытовому.

С первых же шагов применения в статистике методов этнического учета народонаселения обнаружили слабые стороны и неприспособленность этих методов к условиям переписей населения многонациональных государств. Австрийские статистики, поработав много лет над обработкой результатов первой государственной сплошной переписи населения, пришли к неутешительному выводу, что применяемый ими метод не дает никаких гарантий правильного отображения национального состава населения: во многих районах страны (в особенности в Австрии) отдельные группы населения — евангелисты (лютеране) по религии и говорящие в быту по-немецки — ни по своему происхождению, ни по бытовым особенностям не могли быть причислены к немцам и такowymi себя не считали. Установить этническую границу отдельных национальностей по данным австрийской переписи оказалось невозможным, а между тем это было совершенно необходимо для государства.

Виднейший представитель германской статистики того времени Р. Бек скептически отнесся к выводам австрийцев. Он был сторонником того мнения, что в этностатистике язык остается единственно правильным критерием для определения национальности людей и что неудача австрийцев объясняется тем, что они пошли по неправильному пути, отказавшись от «материнского языка»⁵. В действительности «материнский язык» Бека также был далек от совершенства. И сомнительно, чтобы у австрийцев получились иные результаты переписи, если бы они послушались Бека и воспользовались его методом. Перепись, которую подготовил и потом разработал Р. Бек (прусская перепись 1861 г.), в отношении учета национального состава населения не была ни сплошной, ни индивидуальной. Переписчик устанавливал родной (материнский) язык только главы семьи, всех же остальных членов семьи относил к той национальности, к которой, по его мнению, принадлежал глава семьи. В семьях ремесленников, где наряду с родными членами семьи проживали под одной крышей подмастерья и ученики, национальность всех их определялась по национальности хозяина. Таким же путем устанавливалась национальность домашней прислуги и бюргеров, батраков у крестьян, рабочих у владельцев небольших предприятий в сельских местностях. В конце XIX в. германская статистика, правда, изменила метод опроса и улучшила учет, введя в эт-

⁵ R. Böckh, Die statistische Bedeutung der Volkssprache als Kennzeichen der Nationalität, «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft» 4, B., Berlin, 1866, S. 302.

ностатистике заполнение личных карточек на каждого отдельного человека, но к тому времени инструкции по переписи настолько упростили понятие материнского языка, что на практике стерлась всякая грань между ним и языком бытовым. Материнский язык, по разъяснению инструкции 1900 г., это тот язык, на котором опрашиваемый обычно думает и легче всего говорит...

Несмотря на категоричность утверждения, что будто бы по материнскому языку можно совершенно точно установить национальность опрашиваемого, Р. Бек в своей практической деятельности избегал употреблять термины «языковой» и «национальный» как тождественные или родственные друг другу понятия в этностатистике. Составленная им на основании переписи 1861 г. карта населения Пруссии называется не картой национального состава, а «языковой картой Прусского государства»⁶. Тем самым Бек признал, что на этой карте нет этнических границ в собственном смысле слова, а нанесены лишь границы распространения тех или иных языков — в соответствии с данными переписи.

Начиная с Р. Бека, все последующие германские этностатистики наносят на карты «языковые области» и устанавливают «языковые границы». Термин «этническая граница» употребляется германскими учеными лишь в общем значении рубежа двух соседних больших этнических массивов, например, этническая граница германского и славянского миров и т. д. Это скорее образное выражение или направление возможной границы, чем сама граница.

2

В славянской этнографии и этногеографии термин «этническая граница» (или «этнографическая» — народописна у чехов и словаков) получил широкое распространение в конце XIX в. Виднейший славянский этнограф, археолог и лингвист Любор Нидерле под этим термином понимал границу области, населенной компактно тем или другим народом. Л. Нидерле различал два типа этнических границ. Говоря об этнографической карте Мука и нанесенной на эту карту этнической границе лужицких сербов, Л. Нидерле заметил: «Это было внешнее очертание пространства, внутри которого большая часть людей говорила по-сербски: чисто сербская область была меньше»⁷. Таким образом Л. Нидерле выделял границу этническую языковую от более узкой границы, являвшейся рубежом территории, заселенной сплошь однородным в национальном отношении населением. В основе этого разделения лежали, очевидно, соображения о численности и удельном весе определенного народа в пределах какой-либо территории. Л. Нидерле не делал различия между границами этническими и этнографическими, но различал более и менее важные этнические рубежи. «Этнографическая граница, отделяющая словаков от остальных чехов, — писал он, — идет через Моравию, но область словацкая, насколько она находится в пределах Моравии, до такой степени тесно связана всем характером быта своего с чешскою и настолько еще постоянно с ней сближается, что эта граница теряет всякое значение по сравнению с политической моравско-венгерской границей. Тут, в Карпатских горах создалась межа, которая разделяет уже глубоко, и может быть, если не произойдут неожиданные перемены, она раз навсегда разобьет исконное единство и создаст две единицы: народ чешский и народ словацкий»⁸. Л. Нидерле оказался прав — этот рубеж создал новые и более сильные различия в

⁶ R. Böckh, Sprachkarte vom Preussischen Staat nach dem Zählungs-Aufnahmen vom Jahre 1861, Berlin, 1863.

⁷ Л. Нидерле, Обзорение современного славянства, Энциклопедия славянской филологии, вып. 2, СПб., 1909, стр. 66.

⁸ Там же, стр. 76.

быту словаков и чехов, чем прежняя этнографическая граница в Моравии, и в настоящее время в Чехословацком государстве остатки политической границы (венгеро-австрийской) выполняют роль внутренней демаркационной линии, разделяющей чехов и словаков.

Л. Нидерле определял этнические рубежи главным образом по языку населения, но при этом он учитывал и другие признаки. «Было бы, конечно, ошибочно думать,— писал он,— что на деле существует только различие в языке, в особенностях диалектологических. Различие проявляется также в домашнем быте народа, в его характере, в признаках физических и в его исторических преданиях. Но язык все-таки представляет самое важное основание для разделения, он бросается сильнее всего в глаза, он сближает и разъединяет массы»⁹.

Немногие этнографы и этногеографы до и после Нидерле так точно и глубоко определяли этнические рубежи между народами. Некоторые из них не придерживались ни терминологии, ни точности в определении линий границ (Кеппен¹⁰, Риттих¹¹, Киперт¹², Галкин¹³). Другие уклонялись от решения вопроса, ссылаясь на трудности (Францев¹⁴). Третьи, увлекшись статистическими подсчетами, пытались подменить ими живую действительность и превращали национальные отношения в простую арифметику. Для Флоринского¹⁵ этнический рубеж получал значение лишь в том случае, если по каждую сторону его оказывалось не менее 50% той или другой национальности; Г. Курнатовский¹⁶ повышал этот процент даже до 75, делая, однако, значительную скидку для поляков. На этом арифметическом мажоритарном способе определения этнических границ стоят, к сожалению, многие этностатистики и этногеографы. В основу своих расчетов они кладут данные официальной этнической статистики; если же статистические данные отсутствуют или не заслуживают доверия, этнические границы определяют ими при помощи лингвистики и, реже, этнографии.

Мажоритарный принцип в тех случаях, когда он основан на проверенных статистических данных, подкупает своей кажущейся точностью и «справедливостью»; его охотно, поэтому, применяют там, где нужно кого-либо убедить в беспристрастности суждения — например, при этно-территориальных международных спорах. Оставляя на время в стороне вопрос, насколько действительно помогает этот метод этно-территориальному размежеванию, отмечу его полную ненадежность для выяснения географического размещения национальностей. Никакая линия равновесия между численностью населения разных национальных групп на соседних территориях не обеспечивает возможности установить действительные границы расселения не только мелких этнографических групп, но и целых народов. Этот метод игнорирует те части территории, на которых отдельная национальность не имеет численного перевеса над остальными национальными группами; он делает невозможной расшифровку тех называемых смешанных территорий. Неудивительно, что этот метод вовсе не применяется при составлении крупномасштабных этнографических карт, на которых приходится по-

⁹ Л. Нидерле, Указ. раб., стр. 26.

¹⁰ П. И. Кеппен, Об этнографической карте Европейской России, 2-е изд., СПб., 1853.

¹¹ А. Ф. Риттих, Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, Варшава, 1885.

¹² Н. Kiepert, Ethnographische Uebersicht des Europ. Orients, Berlin, 1876.

¹³ Галкин, Этнографическая карта Царства Польского, СПб., 1876.

¹⁴ В. А. Францев, Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним, Варшава, 1909.

¹⁵ Т. Д. Флоринский, Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства, Киев, 1909, стр. 2, 26, 136 и др.

¹⁶ Г. Курнатовский, Этнографическая Польша, «Славянская библиотека», № 2. М., 1915. стр. 33. 40. 42. 43 и 45.

казывать смешанные в национальном отношении территории. Составители предпочитают или наносить на карту данные об удельном весе отдельных национальностей в пределах больших или меньших административных округов или составляют особые карты расселения отдельных национальностей (например, карту расселения немцев, карту расселения поляков, карту расселения венгров и т. д.).

Если мажоритарный метод непригоден для выявления этнических рубежей, то так же мало пригоден для этой цели метод лингвистический. Лингвистам приходится обычно наносить на карту границы распространения языков, наречий и говоров не по данным массового сплошного опроса, а по выборочным обследованиям или по сведениям корреспондентов. Особенно ненадежны корреспондентские данные: в них много субъективного и это тем более опасно, что корреспонденты сами обобщают свои наблюдения и подают их под видом «сводки» по селению, району, округу. Наносимые на карту на основании этих лингвистических данных границы, возможно, достаточны для того, чтобы определить район распространения того или другого говора, но по этим материалам вряд ли можно установить национальный состав населения и его географическое размещение. Между тем у некоторых лингвистов существует тенденция выдавать лингвистические границы подобного рода за границы этнографические.

В 1903 г. Е. Ф. Карский составил «этнографическую карту белорусского племени»¹⁷. В обоснование этой карты приводился исключительно лингвистический материал. В 1917 г. карта эта была вновь переиздана¹⁸ почти без всяких изменений. Академик Е. Карский в своей объяснительной записке к последнему изданию карты указал, что базой для составления карты был будто бы «материнский язык». Но достаточно просмотреть материалы, на которые ссылается составитель, чтобы увидеть, что ни о каком «материнском языке» в данном случае говорить нельзя. Е. Карским ни при первом издании карты, ни при ее переиздании не были использованы статистические данные первой все-русской переписи народонаселения 1897 г. Материал, легший в обоснование карты, получен или от корреспондентов, или заимствован из литературных источников, причем при сборке его не применялось ни индивидуального, ни даже посемейного опроса. «Материнский язык» белорусов в материалах Е. Карского касается селений, а потому его следует признать такой же фикцией, как в свое время и «материнский язык» немцев у Р. Бека.

Основным признаком национальности белоруссов Е. Карский считает язык, и этот единственный признак кладет он в основу своей «этнографической» карты. Р. Бек тоже выдвигал на первое место язык как наиболее удобный для статистики определитель национальной принадлежности людей, но в своих теоретических обоснованиях он не шел так далеко, как идет Е. Карский. «Когда отдельные члены ее (народности) по тем или другим причинам утрачивают материнский язык, они перестают сознавать свою принадлежность к данному племени», — пишет Карский¹⁹.

Эта псевдоаксиома Карского опровергается не только классическим примером Ирландии, но и многих других стран. В Балканских странах сплошь и рядом попадают отдельные группы населения, говорящие на чужом (т. е. не обычном для данной народности) языке — и тем не менее они не утрачивают сознания своей принадлежности к определенному народу.

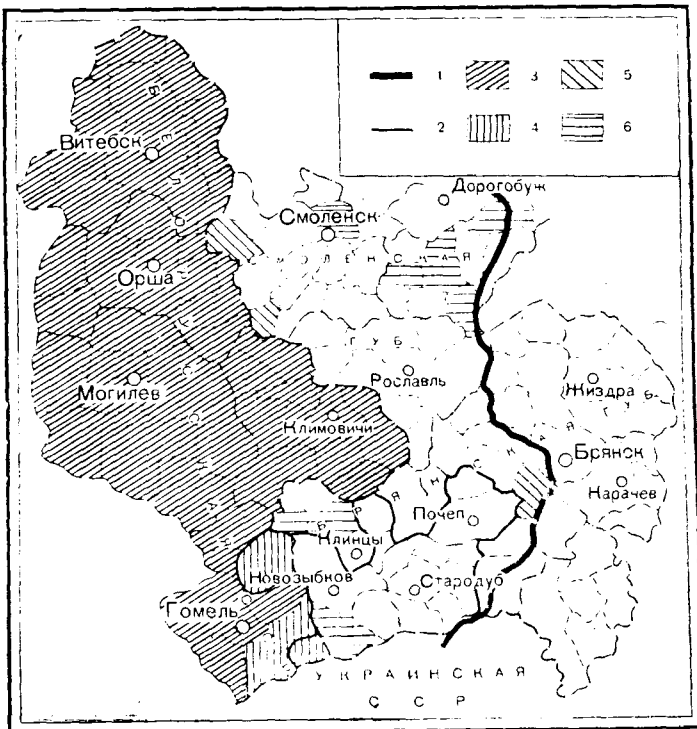
¹⁷ Е. Ф. Карский, Белоруссы. Книга 1. Введение к изучению языка и народной словесности, Вильно, 1904, стр. 20—21.

¹⁸ Е. Карский, Этнографическая карта белорусского племени, Петроград, 1917.

¹⁹ Там же, Объяснительная записка, стр. 1.

Р. Бек писал свою теоретическую работу об употреблении «материнского языка» в статистике в половине прошлого столетия, когда национальная проблема только еще начинала исследоваться и сущность ее оставалась загадкой для многих ученых, тем не менее он гораздо осторожнее формулировал значение языка в национальном сознании людей. Е. Карский писал свои работы по белоруссам уже в начале XX в., а последний вариант карты издал после Февральской революции 1917 г., т. е. тогда, когда по национальной проблеме было написано много значительных работ и когда книга товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» перестала быть известной только ограниченному кругу читателей. Знакомства с этой литературой у Е. Карского нельзя обнаружить ни в «Белоруссах», ни в объяснительной записке в карте 1917 г. Его положение о связи языка с национальностью устарело ровно на полвека.

Нанесенные на карту Е. Карского этнические границы белоруссов противоречат данным переписи 1897 г. На это можно возразить, что переписные данные не всегда обеспечивают правильное отображение национальных отношений, тем более, что в дореволюционных условиях представители угнетенных национальностей часто не имели возможно-

1. Восточная граница расселения белоруссов

Схема 1. Восточная граница расселения белоруссов по данным переписи 1926 г.

1. Восточная граница расселения белоруссов по Карскому. 2. Северная граница расселения украинцев. Территории, заселенные белоруссами: 3. Свыше 50%; 4. 20—50%; 5. 5—10%; 6. 3—5%.

сти давать переписчикам правильные ответы о своей национальности и родном языке. Предположим, что в отношении переписи 1897 г. эти возражения обоснованы. Но границы расселения белоруссов, по Карскому, не соответствуют и данным советской переписи 1926 г. Достаточно сопоставить эти данные (см. схему № 1) с картой Е. Карского, чтобы увидеть их коренное расхождение. Оговорки, применимые к пе-

реписи 1897 г., неприменимы к переписи в советских условиях. Опрос населения производился в обстановке действительно демократической, и цифры, попавшие в статистические сводки, основаны на подлинных ответах самого населения. Нет никаких оснований утверждать, будто при этом кто-либо мог принуждаться морально или физически к даче неправильных ответов. Чем же в таком случае объясняется расхождение этнических границ Е. Карского с переписными данными 1926 г., разница в крайних датах которых составляет лишь 9 лет? Совершенно очевидно, что за такой короткий срок не могло произойти коренного изменения национального состава изучаемых районов, тем более среди сельского населения (национальный состав городского населения на карте Е. Карского не отображен).

Единственным объяснением этому может быть лишь то, что карта «белорусского племени» не отражает подлинного положения вещей. Восточную границу расселения белоруссов Е. Карский отодвинул далеко за пределы той территории, где живет компактное белорусское население; он пренебрег показом смешанных в национальном отношении районов, и потому общая картина расселения белоруссов оказалась искаженной.

Возможно, что составленная тем же автором карта белорусских говоров²⁰ безукоризненна с точки зрения лингвиста и что она помогает разобраться в народных говорах населения Западного края, но и эту карту никак нельзя признать этнографической, несмотря на ее название. Этнограф никогда не может забыть, что этнический облик народа складывается из специфики материальной и духовной культуры и что, если в понятие духовной культуры входит язык, то, наряду с ним, в это же понятие входит и многое другое. Выхватив из целого комплекса один признак (каж бы он важен ни был), Е. Карский обеднил понятие этноса, и это упрощенчество отразилось отрицательным образом на карте.

В лингвистических картах не учитываются основные стороны национальной культуры, и потому такие карты, вполне пригодные для лингвистических исследований, являются лишь вспомогательным материалом при решении этнических проблем. Заменить же собой карты этнографические они не могут.

3

В своем определении этнической границы Л. Нидерле указывает на «компактность» расселения национальной группы как на один из основных признаков, который необходимо учитывать при демаркации. Указание Нидерле совершенно правильно — без оговорок о компактности населения объект демаркации становится настолько расплывчатым, что уловить его границы почти невозможно. Но что считать компактным расселением: зависит ли оно от численности национальной группы или от ее удельного веса? Или это показатель плотности? Прямого ответа на эти вопросы у Нидерле нет. Можно лишь по косвенным высказываниям чешского ученого понять, что компактное расселение он противопоставляет рассеянному, т. е. такой форме расселения, когда среди сплошного этнического массива живут вкрапленные точками или пятнами единичные представители чужой национальности. Вряд ли можно точно установить цифру наименьшей численности населения (в абсолютных числах) для понятия «компактность». Однако в европейских условиях (за исключением, может быть, полярных зон) эта численность не должна опускаться ниже 50 человек на один населен-

²⁰ См. «Этнографическая карта белорусского племени». Составлена в 1903 г. «Белорусские говоры» («Белоруссы», т. I, стр. 198).

ный пункт. Гораздо важнее условиться о минимальном пределе относительной численности компактной группы, т. е. об ее удельном весе среди остального населения. Этот предел зависит от размера территории, в границах которой происходит обследование. Для сельских общин (и соответствующих им по размерам административных делений) можно принять крайним нижним лимитом 10%; в более крупных делениях (дистриктах, районах, волостях, гминах и пр.) — 5%, а для округов, провинций, департаментов и пр. — 1% к общей численности населения. Можно было бы так формулировать это положение: чем крупнее взята за основу территориальная единица, тем ниже должен быть процент, принимаемый за основу минимальной численности компактной группы.

Если компактность расселения необходимо признать неременным условием при установлении линий этнической демаркации, то совершенно излишне требование, чтобы при определении этнических границ в расчет принималось лишь национальное большинство населения. Сторонники мажоритарного метода настаивают на таком условии, но оно не имеет прямого отношения к вопросу об этнических рубежах. Понятие абсолютного или относительного большинства меняется в зависимости от того, в каких границах производится подсчет: национальная группа может в данное время составлять меньшинство в нескольких соседних районах, но живет она компактно, и по своей численности может быть выделена в самостоятельный район, в котором получит совершенно иной удельный вес. Не надо забывать, что границы административных районов иногда нарочито проведены так, чтобы разделить на части какую-либо компактную национальную группу и превратить ее тем самым в национальное меньшинство нескольких районов. Этот прием численного измельчения национальностей может быть проиллюстрирован множеством примеров из административной практики европейских государств.

Мажоритарный метод не является методом выявления этнических рубежей; это — скорее прием, устанавливающий какую-то среднюю линию «национального равновесия». Этнический рубеж должен выявить крайнюю линию компактного расселения данной народности или этнографической группы, и потому не численность, а иные признаки должны быть приняты за основу.

В отличие от границ политических и административных этнические рубежи одного народа могут взаимно пересекаться с этническими рубежами другого народа. В свое время уже П. Шафарик заметил, что этнические границы только в редких случаях проходят сплошной прямой линией. Чешский этнограф дал, например, такую конфигурацию этнической границы великоруссов, что она причудливо описывается зигзаги и петли и, замыкаясь своими концами, оставляет внутри отграниченной территории большие внутренние пространства, заселенные неславянскими народами. Линия внутренней демаркации при этом создает большие или меньшие национальные островки, разрывается вклинениями инонациональных территорий, теряется в полосе этнически смешанных районов.

Современные этнические границы европейских народов изобилуют аналогичной конфигурацией демаркационных линий. В виде примера можно указать на прерывистую, со множеством вклинений и островков, линию этнической демаркации, отделявшую немцев и литовцев в Малой Литве (Восточной Пруссии) накануне второй мировой войны; или на словацко-мадыарскую этническую границу того же периода — с ее многочисленными пятнами смешанных районов и национальными островками, заселенными то словацким, то мадыарским населением. Можно отметить также своеобразные полосы переходных зон, разде-

ляющие крупные этнические массивы. В таких переходных зонах, как, например, в зоне фриульской (в восточной части ломбардско-венцианской равнины), образуются новые народы смешанного происхождения. К типу подобных переходных зон принадлежит, вероятно, и Эльзас. Следовательно, конфигурация этнических рубежей очень своеобразна и имеет мало аналогий с границами государственными.

Для установления политических границ определяют сначала общее направление пограничных рубежей, а потом наносят на карту и описывают имеющиеся на месте естественные или искусственные опознавательные знаки, фиксирующие на территории линию демаркации. Хребты гор, опушки лесов, края болот, берега и русла рек, берега озер, морей, проливов, холмы, курганы, рвы, межи, изгороди, скалы и камни, пограничные столбы — вот что фигурирует в детальном описании пограничной линии государства.

Административные границы внутренних областей не имеют подобных описаний, потому что в большинстве случаев не имеют и пограничных опознавательных знаков; линии этих границ определяются статутами и постановлениями, перечисляющими населенные пункты с указанием их принадлежности к тому или другому округу.

Этническую же границу нельзя определить ни тем, ни другим способом. Если бы этническая граница являлась рубежом территории, заселенной однородным в национальном отношении населением, — это было бы идеальным типом этнической границы. Гораздо чаще приходится определять границы расселения нескольких национальностей, живущих совместно на одной и той же территории. В таких случаях вопрос будет идти вовсе не о том, какой опознавательный знак на территории считать условным рубежом, а о том, как определить действительный национальный состав населения в данной местности и его географическое размещение.

Для выяснения такого вопроса (о национальном составе населения) в восточной части Словакии чехословацкий этнограф Ян Гусек извездил и исходил по стране свыше 1 000 км, лично посещая каждый значительный населенный пункт. Он изучал антропологические особенности населения, записывал народные наречия и говоры, отмечал типы жилищ, форму застройки селений, внешний вид и покрой национальной одежды, местные обычаи, поверья, приметы, знакомился с формами национального самосознания. Вслед затем он изучил археологию, топонимику и исторические источники, относящиеся к этому краю. И только после такого изучения решился выступить со своим заключением о том, какой именно народ обитает в восточной части Словакии и как следует провести этническую границу между словаками и карпаторуссами²¹.

Выводы Я. Гусека можно оспорить, они неполны; но попытка Яна Гусека намечает путь, который единственно может привести к объективному научному определению этнических рубежей: это путь сплошного этнографического обследования целой местности, а не предпринимаемый обычно этнографами и этногеографами объезд заранее намеченной «пограничной» линии.

Результаты сплошных этнографических обследований такого типа могут иметь большое практическое значение.

Во-первых, они могут быть использованы при административном районировании. При правильном районировании территории должны учитываться не только экономические, но и национальные факторы. Группировка населения, принимающая во внимание национальную общность, содействует росту народной культуры и тем самым облегча-

²¹ Jan Húsek, Národopisná hranice mezi slovaký a karpatorusy, Bratislava, 1925.

ет политическое и экономическое развитие. В СССР на эту сторону районирования обращается особое внимание. Для рационального районирования необходимо знать национальный состав населения во всех населенных пунктах; более того, необходимо точно определить, какая именно земельная площадь и какие наземные сооружения используются той или другой национальной группой. Карта национального состава населения, предназначенная для целей районирования, должна быть поэтому крупномасштабной, топографической.

Во-вторых, этнографическое обследование национально смешанных районов может оказать большую помощь школьному строительству. В больших, иногда раскинувшихся на километры, населенных пунктах, имеющих не всегда однородное в национальном отношении население, весьма важно заранее выяснить не только количественный состав отдельных национальных групп, но и их точное географическое размещение. Для этого необходим учет национального состава жителей по улицам и даже отдельным домам. Такая потребность может возникнуть (и возникает) в Башкирии, в Донбассе, на Кубани и во многих других местах, где имеется смешанный состав населения. Знание этнической топографии населения обеспечит при постройке новых школьных зданий и других культурно-просветительных учреждений наибольшую территориальную близость их к той группе населения, которую они призваны обслуживать.

В-третьих, крайне важно подобное обследование при подготовке тех перемещений населения, которые связаны с его национальным составом, — при обмене населением, переселении, выселении, колонизации и пр.

Однако было бы ошибочно применять эти данные механически при проведении новых государственных границ. При политической демаркации принимается во внимание не только этническая характеристика населения, но и его политические устремления, экономические и культурные связи, пути сообщения, нужды обороны. С другой стороны, этнический состав современного населения того или другого района мог сильно измениться во время, предшествующее демаркации, причем изменения могли носить насильственный характер. Поскольку в таких случаях неизбежно встанет вопрос о правах современного населения района на занимаемую им территорию, целесообразнее основываться при решении этно-территориальных вопросов не на материалах, касающихся характеристики современных зигзагообразных и прерывистых этнических границ, а на комплексных историко-этнографических данных об этнических (этнографических) территориях и границах этих территорий²².

Метод сплошного этнографического обследования громоздок, требует много времени и сил. Между тем иногда совершенно необходимо быстро установить районы и границы расселения народа, и нет возможности дожидаться результатов сплошных обследований. Приходится в таких случаях прибегать к более простым, но безусловно паллиативным средствам. Самым надежным способом выяснения национального состава населения могла бы быть официальная этническая статистика, но, к сожалению, этот источник ненадежен. Только в небольшом количестве европейских стран этническая статистика дает правильное представление о национальном составе населения. К таким странам накануне второй мировой войны относились СССР, Бельгия, Чехословакия. В этих странах этнический учет населения производил-

²² Более подробно об этом см. мой доклад «Этнографическая территория и методы определения ее границ» («Изв. АН СССР, Серия истории и философии», т. III, № 2, 1946, стр. 123—134) и статью «К методологии определения этнографических территорий» в журн. «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 12—24.

ся по двум признакам: национальности и языку. В скандинавских странах, которые раньше вели подобный же учет, статистика, начиная с 30-х гг. этого столетия, перестала почему-то публиковать данные о национальном составе.

Там, где в основу учета был положен признак «материнского языка» или языка бытового (Германия, Австрия, Венгрия, Италия), статистические сведения — уже в силу самих методов учета — не давали гарантии в том, что они отражают подлинную картину этнического состава населения. Но к методологическим недостаткам этнической статистики в некоторых европейских странах прибавилось еще отрицательное влияние национальной политики расистского или близкого к этому типов. Это приводило нередко к чудовищным искажениям, к сознательной и злостной фальсификации методов и результатов этнического учета. Можно отметить при этом, что не только в фашистских странах, но и во многих европейских и внеевропейских странах буржуазной демократии (Англии, США, Канаде и др.) наблюдалась ясно выраженная тенденция или вовсе отказаться от показа национального состава населения, или преуменьшить численность той части населения, которая не принадлежит к командующей национальности. Если ко всему этому прибавить, что в некоторых европейских странах (Франции, Испании, Португалии, и др.) совершенно отсутствует учет населения по национальному признаку, то будет понятно, насколько затруднительно класть в основу этнических демаркаций цифровые данные официальной статистики.

Такое положение с этнической статистикой заставляет исследователей искать каких-либо иных методов, которые облегчили бы проведение линий этнической демаркации.

4

Во второй половине прошлого столетия пользовалась большим успехом теория, выводившая этнические рубежи из орографии и географии. Последователи школы Элизе Реклю, Демолена и Ратцеля пытались приурочить этнические границы к рубежам естественным. Но уже и тогда эти попытки встречали серьезные возражения. П. Шафарик не признавал непосредственной связи между линиями этнической демаркации и естественными рубежами (горами, реками и пр.). А. Риттих совершенно правильно заметил, что этнические границы не зависят ни от течения рек, ни от направления водоразделов²³. Р. Бек подверг разбору эту теорию и пришел к выводу: «Естественные границы не могут быть взяты в основу границ определенной национальности, потому что сама национальность изменяется во времени. Если бы кто-либо захотел подразделить народы в зависимости от того, населяют ли они горы или долины, континентальные или приморские местности, и их нравы и обычаи определил бы как континентальные или приморские, горные или долинные, или подразделил бы их сообразно климату, то ему не удалось бы сделать это, ибо крайне трудно найти народ, который занимал бы пространство в пределах таких точно очерченных естественных границ»²⁴. Конечно, говорит далее Бек, границы этнические и границы естественные имеют несколько схожий характер, потому что и возникают они по схожим причинам при первоначальном расселении народов. Но когда потом этим народам приходится размещаться на уже обжитых землях (а у современных нам народов приходится встречаться лишь с таким вторичным размещением), то естественные границы выступают в таком запутанном виде, что об их тожде-

²³ А. Ф. Риттих, *Славянский мир*, Варшава, 1885, стр. 5.

²⁴ R. Böckh, *Op. cit.*, S. 267.

стве с этническими рубежами можно говорить лишь в ироническом смысле. Итальянские официальные статистики, по словам Р. Бека, декларируют, что политическая граница итальянского королевства являлась естественной границей итальянской нации. «Но среди самих итальянцев,— замечает Бек,— найдется, вероятно, очень мало людей, которые решились бы причислить тирольца, пасущего свои стада на склонах ледников, или славянина с Истринского плоскогорья к итальянцам».²⁵

Отрицать, однако, что в отдельных случаях совпадение этнических границ с естественными возможно, было бы неправильно. Югославские географы Иосип Роглич и Виктор Новак утверждают, что подобное совпадение имеется на словено-фриульской этнической границе. В. Новак обращает внимание на «слаженность между рельефом и этнографической границей словен», имеющей, по его словам, «конструктивное значение». Словены, как указано в сборнике под его редакцией, «заселили все Юлийские Альпы с горными долинами до устья Резьи». Древнейшее земледельческое население, состоявшее из словен, заполнило весь этот край, в то время как «равнина и предгорья от Гумина до морского побережья Тржич-Девина остались за романским населением»²⁶. «На этой географическо-орографической основе,— говорится далее,— локализовалась и этническая граница уже много веков тому назад, и до сих пор она почти не изменилась. Изменилась она только в Железной долине между Можак и Студене, где она не осталась на орографической основе. Мало существует еще примеров, где этнографическая граница так точно и так устойчиво находилась бы в контакте с плоскогорьем и равниной»²⁷.

Иосип Роглич развивает эту тему. «Этническая граница,— пишет он,— прослеживается на самой территории: фриулы живут на равнине, а словены на холмах и горах. Интересно констатировать, в какой степени конфигурация географическая всегда определяла сосуществование этих двух этнических групп. В то время как население равнины переселяется только в исключительных случаях, да и то лишь на время, в горные местности, экономически более бедные, обратное явление встречается часто. Не только при прибытии в страну, но и постоянно в течение веков словены — экономически более бедные, но биологически более сильные (?!) — покидают свои горы для того, чтобы водеориться на плодородных равнинах. Помимо многочисленных памятников и исторических документов об этом свидетельствуют названия населенных пунктов, дающие возможность с достоверностью заключить о происхождении их обитателей. Однако наша цель,— оговаривается И. Роглич,— вовсе не заключается в том, чтобы привести свое изложение к тому, что условно называют «историческими правами», а к тому, что словенский горский элемент смешивается мало-помалу с элементом равнинным фриульским, подобно ручью, пропадающему в тихом озере»²⁸.

Таково географическо-орографическое обоснование словено-фриульской этнической границы югославскими географами. В этом обосновании существуют, однако, пробелы, выявляемые при рассмотрении составленной ими самими карты расселения фриулов. Итальянцы и словены не соприкасаются своими этническими границами, за исключением небольшого участка вблизи Тржича (Монфальконе). Словенский этнический массив отделен от итальянского этнического массива до-

²⁵ R. Böckl, Op. cit., S. 267.

²⁶ «Око Trst» (Сборник статей под ред. В. Новака и Ф. Цвиттера), Beograd 1945, стр. 40.

²⁷ Там же.

²⁸ «La Marche Julienne» (сборник статей), Sušak, 1945, p. 292.

вольно широкой полосой территории, заселенной фриулами. Но в этой полосе несколько зон: зона сплошного фриульского населения (в центре территории), зона смешанного итальянско-фриульского населения (на западе территории) и зона смешанного словено-фриульского населения (на востоке территории). Последняя зона располагается в предгорьях и горах. Если считать, что горные местности «естественно» связаны со словенами, то присутствие в них значительного по численности фриульского населения противоречит теории Новака — Роглича. Если предгорья связывать не с горами, а с равниной, то расселение на них словенов тоже не очень вяжется с теорией югославских географов. Очевидно, утверждения этих ученых не могут пониматься буквально. Их схематизм и условность выявляются еще более, если вспомнить, что этнический состав фриульской народности очень сложен и что, кроме древнекельтского элемента, подвергшегося впоследствии романизации, в составе этой народности имеются и словенские компоненты. Тезис югославских географов о теснейшей связи этнической фриульско-словенской этнической границы с орографией и географией района может быть принят лишь с большими оговорками.

Живучесть теории естественных границ заставляет меня сделать несколько общих замечаний о связи географических рубежей в Европе с рубежами этническими.

Одной из наиболее отчетливых форм естественных рубежей, влияющих на формирование этнических границ, являются берега морей. Вряд ли можно оспаривать, что во многих случаях эти естественные рубежи совпадают с рубежами этническими. Но у морских берегов есть одна особенность — они становятся границами односторонними, потому что, когда народ дошел до моря и сделал его берег своим этническим рубежом, заморский народ-сосед имеет своим этническим рубежом не этот, а противоположный берег моря. Что же касается береговой линии в целом, то на большей части европейской территории она поделена между многими народами и нациями, и даже береговая линия островов (больших) редко имеет однородную этническую границу по всей своей длине, а среди больших полуостровов только Ютландия и Апеннинский обладают такой этнически однородной линией.

Так обстоит дело с европейскими морскими рубежами. Несколько иное положение сложилось к настоящему времени в отношении рек. Как правило, ни по одной из больших полноводных рек Европы не проходит в направлении их течения какая-либо этническая граница. Исключением является как будто только отрезок Дуная на болгаро-румынской государственной границе, где русло реки является одновременно и политическим и этническим рубежом. На всех остальных больших европейских реках — Неве, Зап. Двине, Немане, Висле, Одере, Эльбе, Рейне, Сене, По, Дунае, Днестре, Днепре, Доне, Волге, Урале, Сев. Двине, Печоре — берега и русла рек вплоть до второй мировой войны не совпадали с этническими рубежами народов. Когда закончится выселение немцев с правого берега Одера и Нисы и западные территории Польши будут заполнены польским населением, русла этих рек станут не только политическими, но и этническими рубежами. Во всех остальных случаях этнические границы разрезают течения рек на части и кое-где близко подходят к водоразделам, но с ними все же не совпадают.

Не являются этническими рубежами в настоящее время и высочайшие горные хребты Европы — Пиренеи, Альпы, Карпаты, Кавказские горы, хотя в прежнее время они, вероятно, были ими. Просачиваясь сквозь ущелья по руслам горных рек и преодолевая перевалы, народы-соседи давно уже ликвидировали значение горных хребтов как непроходимых рубежей между народами. Но в некоторых местах еще сохрани-

лись (в виде более узких, второго порядка этнических границ) рубежи, разделяющие жителей гор от жителей долин.

Леса и болота в настоящее время также нельзя считать естественными рубежами, совпадающими с этническими границами; однако нельзя утверждать, что так было всегда. Д. Н. Егоров в своей работе по колонизации Мекленбурга в XIII в. указывает на то, что «непреодолимой преградой для распространения людей были не столько болота и топи, сколько леса»²⁹. Ссылаясь на Градмана, он пишет, что современный житель не может представить себе «реальную картину европейских первобытных лесов, в которых немислимо не только полеводство, хотя бы примитивное, но и скотоводство и даже достаточно изобильная охота»³⁰. «Реки, «божьи дороги», как их с благодарностью называли в средние века, всегда соединяли людей,— говорит Егоров,— леса, наоборот, разъединяли. Самой надежной границей была широкая полса дебрей, «марка», «граница-кайма...» Такие «демаркационные» леса тянулись не только между отдельными народами, но и разделяли племена. Анонимный баварский географ IX века дает весьма подробную *Descriptio civitatum et regionem ad septentrionalem plagam Danubii*, но уяснить все это перечисление, уразуметь всю колоссальную разъединенность тогдашних племен (земель, *terrae*) можно лишь на основании топографической номенклатуры лесных прежде пространств»³¹.

Так было в прошлом,— в настоящее время европейские леса не разъединяют этнических массивов, не являются этническими рубежами.

Таким образом география и орография при выяснении современных европейских этнических границ не могут в большинстве случаев оказать существенной помощи; было бы поспешным тем не менее распространить этот вывод на другие материки и страны,— этот вопрос требует детального исследования.

5

Этнографы, в противовес географам, давно уже не придавали значения теории «естественной» демаркации этнических рубежей в Европе. Но как же быть в тех случаях, когда ни статистический материал, ни данные полевых этнографических обследований не дают ясной картины расселения народов? Нет ли какого-либо косвенного признака, помогающего определять этнические рубежи и отображать на карте их отличительные особенности?

Польский этностатистик А. Закржевский сделал в свое время первые шаги к разрешению этого вопроса. Он пытался поставить конфигурацию этнических границ в зависимость от характера соприкасающихся на этой границе национальных культур.

Определяя этническую границу между поляками и литовцами в быв. Сувалкской губернии, А. Закржевский обратил внимание на то, что линия этой границы проходит совершенно отчетливо и резко, в то время как линию этнической границы между поляками и украинцами в Холмщине провести почти невозможно. «Резкое различие языков польского и литовского,— писал А. Закржевский,— сильно препятствовало тому смешению национальностей, которое мы видели на всем протяжении Холмщины. Действительно, при различии языков, люди од-

²⁹ Д. Н. Егоров, *Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.*, т. I, М., 1915, стр. 470.

³⁰ Д. Н. Егоров, *Указ. соч.*, стр. 470 (примечание).

³¹ Там же, стр. 472—473.

ной национальности, попадая в чужую среду, поставлены в необходимость изучить, а понемногу и присвоить себе и язык и национальность, почему и этнографическая граница выступает тут (Сувалкская губ.) резко и определенно»³².

Совершенно иное, по словам Закржевского, положение создалось в Холмщине, где, «как везде на рубеже двух близких по языку славянских народностей, проведение точной этнографической границы невозможно. Ее пришлось бы вести не уездами и не гминами, даже и не деревнями, но разве отдельными хатами, да и то, как не раз замечает в своих исследованиях этого края проф. В. А. Францев, попадаются семьи, в которых старики говорят одним языком, молодежь другим»³³.

В. А. Францев, на которого ссылается Закржевский, указывает, что действительно «в полосах теснейшего соприкосновения двух славянских народностей и языков возникает множество спорных пунктов о принадлежности населения к той или другой племенной группе», но, не проводя демаркационной линии, он, однако, намечает все-таки этнический рубеж. «Мы не определяем на нашей карте,— пишет он,— этнографической границы русского населения точными пунктами, через которые она проходит: для этого у нас не было всех необходимых данных, указаний относительно числа говорящих по-русски в каждом отдельном селении. Вот почему мы ограничиваемся лишь общими указаниями на число домов или семейств, говорящих по-русски, и на основании этих показаний местных жителей стараемся сделать по возможности точную характеристику каждой гмины в отдельности в отношении того или другого преобладающего родного языка населения»³⁴. Этнический рубеж между поляками и украинцами в Холмщине, по Францеву, не имеет характера резко очерченной границы, а представляет собой территорию, заполненную смешанным населением. И в этом основное отличие польско-украинского этнического рубежа в Холмщине от польско-литовского этнического рубежа в Сувалкской губернии.

Насколько правильны утверждения Закржевского? Это можно выяснить лишь после детального ознакомления со всем материалом об обеих границах.

Статистические сведения, которыми пользовался А. Закржевский, базируются на первой всероссийской переписи народонаселения в 1897 г., с последующим пересчетом данных путем теоретических выкладок о возможном росте населения к 1913 г. Эти пересчеты произведены Варшавским статистическим комитетом. Можно было бы воспользоваться этим материалом и подвергнуть его сверке и анализу, но у меня нет никаких powodов делать это, так как добросовестность А. Закржевского не вызывает сомнений. Гораздо важнее привлечь такой материал, которым Закржевский не воспользовался, но который мог бы пополнить и уточнить его выводы. Такой материал существует — это «Списки населенных мест Сувалкской губернии как материал для историко-этнографической географии края», составленные Э. Вольтером³⁵.

Так называются материалы, обработанные этим ученым, представляющие собой ответы на анкету, распространенную Вольтером в 1888—1889 гг. среди низшей администрации всех гмин, входивших в состав уездов Сувалкской губернии. Анкета содержала следующие вопросы: 1. Официальное название населенного пункта. 2. Название его самим

³² А. Закржевский, Польша. Статистико-этнографический очерк, Киев, 1916, стр. 34.

³³ Там же, стр. 26.

³⁴ В. А. Францев, Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистич. таблицами к ним, Варшава, 1909, стр. XIII.

³⁵ Э. Вольтер, Списки населенных мест Сувалкской губ. как материал для историко-этнографической географии края, СПб., 1901.

населением. 3. При каком водоеме или речке находится населенный пункт, какие заслуживающие внимания сооружения, кладбища и отличительные места имеются вблизи населенного пункта. 4. Общая численность населения каждого населенного пункта. 5. Племенной состав (национальное происхождение). 6. Язык, употребляемый в быту («домаш-

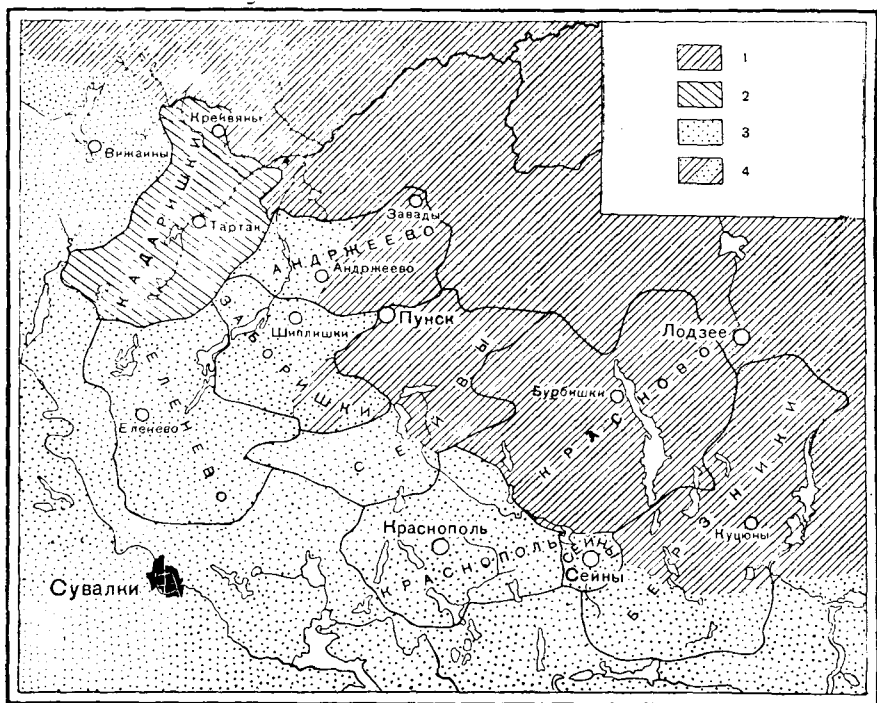

Схема 2. Польско-литовская этническая граница в Сувалкском крае в начале XX в. (по Вольтеру)

Территории, заселенные: 1. Литовцами; 2. Литовцами, говорящими по-польски; 3. Поляками, 4. Смешанным населением.

ний язык»). 7. Умеют ли жители писать и читать и на каком языке. 8. Религиозная принадлежность. 9. Являются ли жители старожилами или переселенцами. Ответы на эту анкету заполнялись гминными войтами (или писарями) и касались каждого отдельного селения, хутора, фольварка, имения.

Заполнение анкеты, конечно, не стоит на уровне современных требований, предъявляемых этнической статистике; но не нужно забывать, что эта анкета предшествовала первой всероссийской переписи и что необходимого опыта ни у составителя, ни у заполнявших анкету войтов еще не было. Можно, конечно, скептически улыбаться, когда гминный войт или писарь в графе 7 («умеют ли читать и писать и на каком языке?») тщательно выводил цифру, соответствующую общей численности всего населения,— в том числе и грудных детей. Но, несмотря на эти грубые ошибки, обнаружить которые не составляет трудности, анкета дала достаточно правильное представление об этническом составе населения Сувалкской губернии: последовавшая всероссийская перепись подтвердила данные анкеты, а в некоторых случаях анкета оказалась гораздо полнее этой переписи.

Анализируя материал анкеты о национальном составе гмин, заселенных литовцами и пограничных с гминами польскими, можно прийти к выводу, что характеристика А. Закржевского в общем подтверждается этим материалом.

Этническая граница между литовцами и поляками (см. схему № 2) проходит, по данным анкеты, четкой линией через селения (с запада на восток) Еглинец — Подвойпоне — Войпоне — Войцюлишки — Крейвяны (в гмине Андржеево); далее, через гмину Сейвы по линии Шлинокеме — Рейштокеме — Жвикеле; затем, по южной границе гмины Красново; через гмину Бержники по линии селений Штабинки — Жегары — Куцюны — Кажары и сливается далее с литовским этническим массивом на востоке. По одну сторону этой демаркационной линии живут поляки (литовцев как компактного населения здесь нет), по другую сторону, за исключением села Завады со смешанным польско-литовским населением, — литовцы. Исключение составляет примыкающая к северо-западному отрезку этой линии территория гмины Кадаришки. В этой гмине жило население литовского происхождения (поляков там не было), но из 6421 жителя только 338 человек говорило по-литовски; это были жители двух пограничных селений Григалишки и Крейвяны. Остальное население гмины, по данным анкеты, говорило по-польски³⁶. Запись в анкете «говорят по-польски» можно, правда, толковать так, что в своем домашнем быту эти люди говорят исключительно по-польски, но можно понять и иначе — умеют говорить и по-польски. При том и другом толковании можно признать, что в этой гмине, вклинивающейся своей территорией в польский этнический массив, польское влияние было очень сильным и происходила постепенная денационализация литовского населения. Через тридцать лет (в 1921 г.) население, вероятно, окончательно ассимилировалось, так как за исключением пограничного с Литвой селения Крейвяны (селение Григалишки отошло после 1919 г. к Литве), все жители этой гмины объявили себя поляками.

А. Закржевский оказался прав, утверждая, что линия этнической демаркации в этом районе отчетлива и резко делит два этнических массива. Следует, однако, внести поправки и дополнения к тем обоснованиям, которые сделал польский этноистатистик. Для Закржевского основной и единственной причиной денационализации населения является влияние чуждой национальной среды. При таком понимании этого процесса утеря национальных признаков частью населения будет представляться как явление неизбежное и закономерное — «нормальное», одинаково захватывающее всех представителей национального меньшинства. Нетрудно видеть, что такое толкование является апологией колонизации.

Собранный Э. Вольтером материал вносит существенные поправки в эту теорию.

В гмине Заборишки в 1888—1889 гг. в трех селениях проживало только 150 литовцев (тремя группами по 30, 60 и 60 человек) среди общего населения гмины, состоявшего исключительно из поляков (3923 человека). Тем не менее, эти небольшие литовские группы продолжали говорить по-литовски, а не по-польски³⁷.

В гмине Андржеево наряду с 1939 литовцами (расселенными в северо-восточной части гмины) жило 1594 поляка (в западной и юго-западной части гмины), но все литовцы говорили только по-литовски³⁸.

То же было и в гмине Сейвы, где проживало компактно 3456 литовцев и 3451 поляк. Все литовцы, за исключением 10 литовцев-лютеран, говоривших по-немецки, говорили на родном языке; но среди поляков 73 человека говорили по-литовски³⁹.

В гмине Бержники, где проживало 4118 литовцев и 3107 поляков,

³⁶ Э. Вольтер, Указ. работа, стр. 10—13.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 26—29.

³⁹ Там же, стр. 32—35.

среди литовцев только 81 человек говорил по-польски, а среди поляков 23 человека говорили по-литовски. Кто же из литовцев этой гмины говорил по-польски? Прежде всего 41 литовец (из 516) деревни Куцюны, стоявшей у большой дороги; затем по 2—3 человека в других больших деревнях⁴⁰. Это, вероятно, были представители более обеспеченных, возможно кулацких, слоев деревни. Что такое соображение имеет основание, показывают ответы на ту же анкету в гмине Метеле. В этой гмине, несмотря на совершенно незначительный процент поляков (литовцев было 3765, поляков лишь 188, и они проживали не компактно, а рассеянно, единицами и небольшими группами по 5—6 человек), все же часть литовского населения, проживавшего в фольварках и имениях, говорила по-польски, а не по литовски⁴¹.

Пожалуй, еще более яркие данные о национальном составе гмины Копциово. В этой гмине проживало 4867 литовцев, поляков не было совсем. И тем не менее из жителей-литовцев 192 человека говорили не на родном языке, а по-польски⁴². В административном центре гмины, деревне Копциово, расположенной на большом проезжем шляхе, находилось 154 ополяченных литовца. Остальные литовцы, пользовавшиеся в своем домашнем быту польским языком, проживали в фольварках и усадьбах по 4—6 человек на отдельный населенный пункт, составляя там меньшинство среди остального литовского населения. Совершенно очевидно, что эти ополяченные литовцы были владельцами фольварков, т. е. литовской шляхтой. Прямым подтверждением такого предположения можно считать замечание войта на полях анкеты: большинство-де женщин гмины читать и писать не умеет, за исключением некоторого числа помещиц, умеющих читать и писать по-польски.

Отсюда можно сделать вывод, что не только окружающая чуждая национальная среда (т. е. влияние окружающего национального большинства) выступает первопричиной денационализации и ассимиляции, но и социальные отношения. Поскольку литовец сделался владельцем мельницы, лавки, фольварка, имения, он превратился в «пана», поэтому он начинает стыдиться своей «простой» национальности и выдает себя за поляка. И, наоборот, представители господствующей национальности, принужденные выполнять черную, плохо оплачиваемую работу, постепенно сливаются с местным населением, воспринимают его язык и обычаи. Так, например, в гмине Краснополь, где среди 4640 поляков жило в одной из прибрежных деревень (Романовце каз. на озере Пляске) 76 литовцев-рыбаков, сохранивших в быту и родной язык, и обычаи, в другой соседней польской деревне (Романовце част. на том же озере) жители поляки, занимавшиеся рыбной ловлей, говорили по-литовски⁴³. То же наблюдалось в поселке Дубы в гмине Бержники. В этом поселке, расположенном на озере Ильгель, восточный берег которого был заселен литовцами, 21 поляк (из 207 жителей поляков) говорил по-литовски, поскольку этим людям приходилось рыбачить наравне с соседями-литовцами⁴⁴. Это — необычайно яркие примеры воздействия социальных отношений на этнос. А. Закржевский не замечает этих влияний, но между тем он сам в своей книге⁴⁵ приводит аналогичный пример такого же воздействия. Польская мелкая шляхта, поселившаяся в южных губерниях России, потеряла, по словам Закржевского, прежнее вероисповедание, язык и национальные традиции: «домашним языком в большинстве случаев у них язык малорусский», — пи-

⁴⁰ Э. Вольтер, Указ. работа, стр. 48—51.

⁴¹ Там же, стр. 50—53.

⁴² Там же, стр. 58—63.

⁴³ Там же, стр. 68—69.

⁴⁴ Там же, стр. 48—49.

⁴⁵ А. Закржевский, Указ. работа, стр. 11.

шет он. В чем же причина этого? «В этом краю,— объясняет польский этностатистик,— мелкая шляхта поселялась уже на занятых крупными владельцами землях на правах арендного чиншевого владения, а так как крестьянская реформа 1861 года совершенно не коснулась этого класса землевладельцев, то они попали в весьма тяжелые условия; с возрастанием доходности земли многие из них были устранены из земель, которыми владели в течение многих столетий, и очутились в положении безземельных батраков»⁴⁶. Утратив свое привилегированное «панское» положение, они опростились, слились с окружающим крестьянским населением, стали украинцами.

Нельзя также замалчивать, как это сделал А. Закржевский, громадного влияния на денационализацию туземного населения таких факторов, как активное воздействие католической церкви, польской школы, как устранение литовского языка из употребления в суде и государственных учреждениях. Все это усиливало польский элемент, тормозило развитие литовской национальной культуры и тем самым отодвигало постепенно линию этнической границы в глубь литовской этнической территории.

Таким образом влияние окружающей национальной среды на характер этнической границы не абсолютно, а относительно.

6

Польско-украинская этническая граница в Холмщине, которую Закржевский противопоставляет по типу польско-литовской этнической границе в Сувальской губ., также требует анализа.

Материалы по этнографии Холмской Руси и сведения о расселении национальностей на территории этого края дают очень сложную картину⁴⁷. Более древнее, чем польское, украинское население (правильнее — восточнославянское) Холмской Руси к началу XX в. оказалось в значительной степени денационализированным. Польская колонизация этой земли, проводившаяся в течение нескольких столетий, совместное воздействие католической (а позже и униатской) церкви и польской школы, польской администрации — все это произвело большие перемены в национальном облике местного населения и привело к ополячиванию целых районов (гмин). Правда, и само польское население, колонизовавшее край, живя среди украинцев, подвергалось некоторой украинизации,— это сказалось на смешении в быту польских и украинских обычаев. Тем не менее влияние польского элемента, по вполне понятным причинам, было более значительным.

«Смешанные браки,— писал А. Закржевский,— покупка земельных участков, выход за заработками, все это ведет к смешению языков, и в сущности население знает и употребляет в обыденной жизни, по мере надобности, безразлично тот или другой из них»⁴⁸. Н. А. Янчук рассказывает о том, как девушка, начав лесною по-украински, закончила ее, сама того не заметив, по-польски. Францев, кроме того, отмечал, что наряду со смешением языков в Холмской Руси наблюдалось недостаточно отчетливое разделение населения по религиям и что этот признак (религиозная принадлежность) перестает быть критерием при определении национального состава населения. Как правило, все поляки — католики; но в Холмщине не так уж редко можно было встретить поляков православных. Имелась ли в данном случае одна из форм не-

⁴⁶ А. Закржевский, Указ. работа, стр. 111.

⁴⁷ См. «Материалы к вопросу об образовании Холмской губернии», т. I и II, Варшава, 1908, а также В. Францев, Обзор важнейших исследований Угорской Руси, Русский филологич. вестник, XLV, Варшава, 1901.

⁴⁸ А. Закржевский, Указ. работа, стр. 26.

полной колонизации православного (украинского) населения или действительно эти православные были поляками по происхождению, сказать трудно. Еще чаще наблюдалось обратное явление: население, говорившее по-украински и причислявшее себя к «русским», придерживалось католицизма. Среди униатов же сплошь и рядом находились как те, кто считал себя поляками, так и те, кто причислял себя к украинцам.

«Разграничение соседних народностей на основании этнографических особенностей, в числе которых язык играет главную роль,—писал Закржевский,— является несомненно наиболее справедливым и соответствующим реальным потребностям населения решением спорных национальных вопросов. Но, во-первых, как мы только что видели, это не всегда возможно, а кроме того в этом деле появляются иногда посторонние факторы иного характера, с которыми нельзя не считаться, как, например, сознательное стремление и тяготение населения в направлении другой, хотя бы и этнически разной, национальной группе»⁴⁹. И если в Сувальской губернии наблюдалось среди кулацких слоев литовской деревни определенное тяготение к польскому языку и польской культуре, то и среди обеспеченных и кулацких элементов крестьянского населения Холмщины находились украинцы, выдававшие себя за поляков, чтобы обособиться от простого народа.

Францев не мог разрешить вопроса о линии этнической границы в Холмщине, но он зафиксировал на карте полученные из разных источников сведения о языке и вероисповедании населения. Составленная по картам Францева схема (см. схема № 3) показывает, что украинско-польский этнический рубеж в начале XX в. никак не может быть изображен в виде непрерывной линии, разграничивающей два сплошных этнических массива. Поиски такой линии заранее обречены на неуспех, ибо украинско-польская этническая граница в Холмщине представляла довольно широкую полосу, заполненную в тех или других численных пропорциях смешанным украинско-польским населением. В этом и заключалась специфика такой границы.

Двух примеров, на которые ссылается Закржевский, конечно, недостаточно для общих выводов о типах границ: необходим более разнообразный и более полный материал.

Работая над составлением этнографической карты Западной Европы, научный коллектив Сектора этнической картографии и статистики Института этнографии Академии Наук СССР детально ознакомился со спецификой различных этнических границ в Европе. Это обстоятельство дает возможность пополнить выводы Закржевского.

Сопоставление европейских этнических границ друг с другом выявляет, что два типа Закржевского действительно реально существуют и резко отличаются один от другого. Но не все этнические границы европейских народов можно уложить в эти два типа. Взять хотя бы, к примеру, украинско-молдавскую границу в северной Бессарабии (быв. Хотинский уезд) в начале XX в. Эта этническая граница отличалась и от польско-литовской границы в Сувальском крае и от украинско-польской границы в Холмщине. Украинско-молдавская этническая граница в северной Бессарабии интересна и потому, что она стала в настоящее время политической границей между Украинской ССР и Молдавской ССР на этом участке.

Академик Л. С. Берг дал в свое время описание этнографии и географического размещения населения Бессарабии⁵⁰. В северной части

⁴⁹ А. Закржевский, Указ. работа, стр. 30.

⁵⁰ Л. С. Берг, Бессарабия, Петроград, 1918; его же. Население Бессарабии, с картой. Петроград, 1923.

этого края проживали украинцы, которые составляли древнейшее население Бессарабии. Территория быв. Хотинского уезда, где жили эти украинцы-старожилы, примыкала на северо-западе к этническому мас-

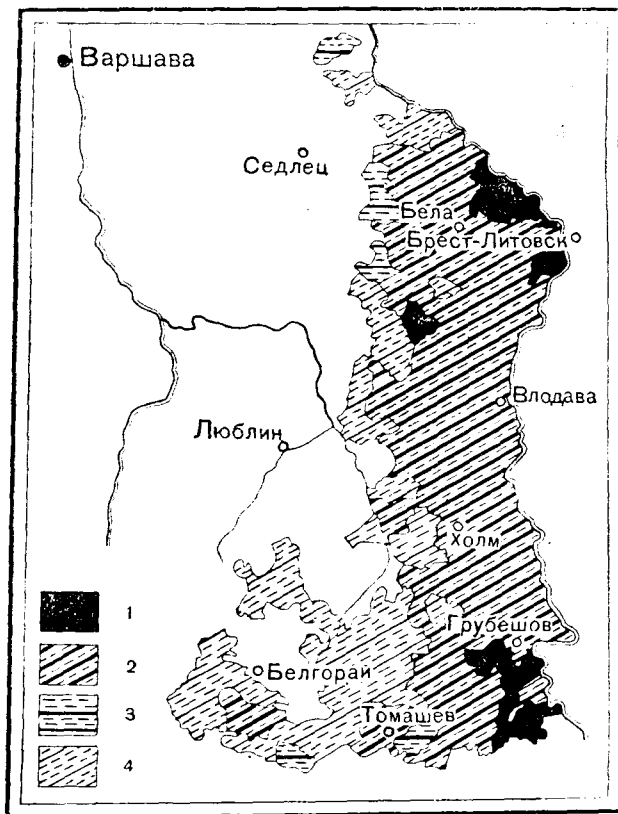

Схема 3. Расселение украинцев и поляков в Холмщине в начале XX в. (по Францеву).

Территории заселенные: 1. Украинцами; 2. Смешанным населением с преобладанием украинского; 3. 50% украинцев и 50% поляков; 4. Смешанным населением с преобладанием польского

сиву украинцев Буковины, на северо-востоке — к этническому массиву украинцев Волыни, с юга же она вплотную подходила к территориям, заселенным сплошь молдавским населением.

Этнографические данные свидетельствуют о значительной близости молдавской и славянской культур. По мнению Л. С. Берга, «язык молдаван, как и румын вообще, есть славянизованный язык романского (латинского) корня. В народном языке около половины слов славянского происхождения; образованные румыны стараются заменить славянские слова латинскими, и в литературном языке славянизмов всего около 30%»⁵¹. «Слова, относящиеся к земледелию, домоводству, военному делу и к вопросам управления, в народном языке почти сплошь славянского корня, равно как и отвлеченные понятия»⁵². Близость молдаван к славянам по языку дополняется близостью некоторых молдавских и общеславянских обычаев. Однако из этой близости молдавской (и румынской, вообще) культуры к общеславянской никак нельзя делать вывода, что молдавская и украинская культуры родственны друг

⁵¹ Л. С. Берг, Бессарабия, стр. 87.

⁵² Там же, стр. 88.

другу. Хотя оба народа в течение многих веков живут бок-о-бок друг с другом, язык их и обычаи отличны.

У хотинских украинцев были отличны от молдаван способы постройки жилищ, их убранство, национальная одежда, некоторые виды пищи, обычаи. Но, наряду с этим различием, наблюдались и черты сходства в способах приготовления пищи, в зимней одежде, в обрядах свадебных и похоронных. В пограничных селениях, где жили вперемешку украинцы и молдаване, почти все украинцы говорили по-молдавски (кроме своего родного языка), а молдаване — по-украински. Проникновение в оба языка слов, заимствованных из языка народа-соседа, приняло такие широкие и стойкие формы, что можно было говорить о своеобразном говоре, отличавшем пограничные села. Основываясь на высказываниях Нестеровского⁵³ и Кочубинского⁵⁴, Л. С. Берг пришел к выводу, что в начале XX в. в Бессарабии происходило постепенное омолодывание украинского населения⁵⁵, но материалы, приводимые В. Н. Бутовичем⁵⁶, не подтверждают этого заключения в отношении украинцев Хотинского уезда. Наряду с омолодыванием некоторых украинских сел Бутович отмечает украинизацию других молдавских сел. Этот процесс охватывает очень узкую полосу пограничных селений, да и то не по всей длине пограничной линии, и не нарушает общей картины стойкого сохранения как украинским, так и молдавским населением своего языка и своей национальной культуры.

Составленная на основании материалов В. Н. Бутовича схема географического размещения украинцев и молдаван в северной части Бессарабии в начале XX в. (см. схему № 4) показывает своеобразие украинско-молдавского этнического рубежа. На этом рубеже нет такой четкой линии этнической границы, как на польско-литовском рубеже в Сувалкском крае, но нет и того смещения национальностей, которое характерно для польско-украинского рубежа в Холмщине. Можно поэтому выделить третий тип этнической границы, специфичной для тех районов, где соприкасаются своими территориями народы близкие, но не родственные по национальной культуре. Границы такого типа не ограничиваются пределами Бессарабии — сходные черты имеют итало-французская этническая граница и др.

7

Кроме сделанных ранее оговорок о влиянии социальных отношений на характер этнической границы, следует особо подчеркнуть влияние факторов исторических. Риттих мимоходом отметил как-то, что конфигурация границ зависит от «крепости и устойчивости того или другого народа»⁵⁷. Это замечание затрагивает очень важный вопрос — о влиянии агрессии государств-соседей на конфигурацию как политических, так и этнических границ.

Современные политические границы в результате экспансии народов-завоевателей далеко отошли от прежних этнических рубежей, хотя у господствующих классов территориально расширяющихся государств всегда существовало стремление подтягивать этнические границы народа-поработителя к пограничным рубежам государства. Практическим выражением этого стремления было поселение вдоль линии госу-

⁵³ П. А. Нестеровский, На севере Бессарабии. Путевые очерки, Варшава, 1910.

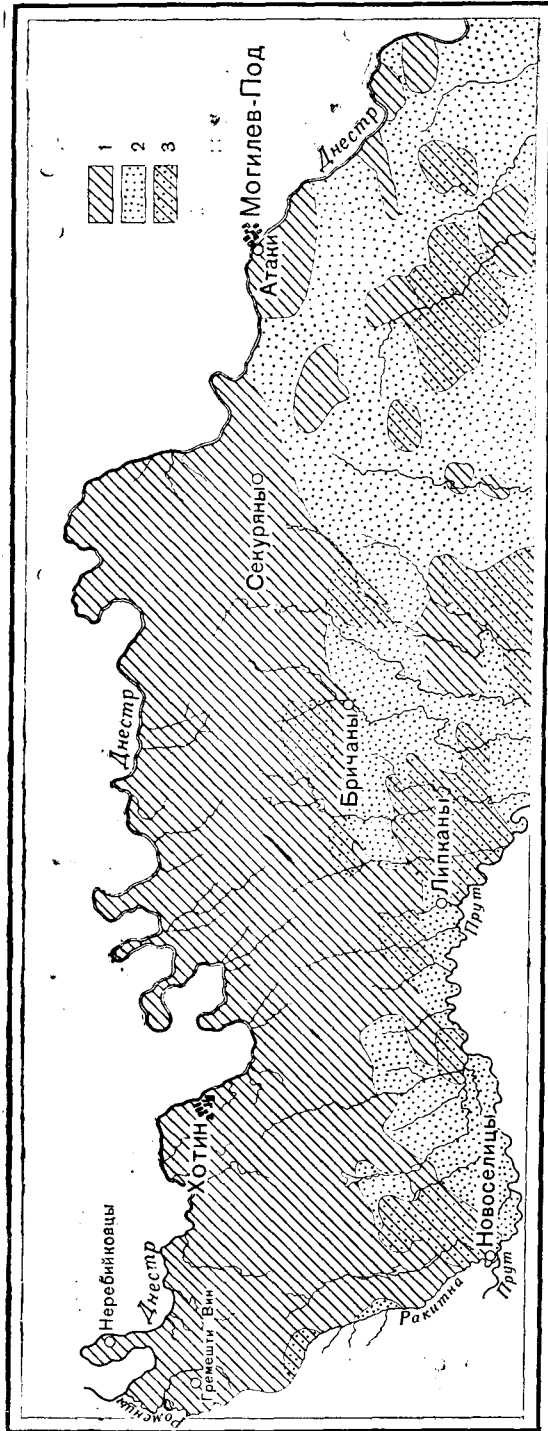
⁵⁴ Кочубинский, Частные молдавские учебники для русской школы, «Журнал Мин. народн. просв.», VI, СПб., 1903.

⁵⁵ Л. С. Берг, Бессарабия, стр. 121—122; Население Бессарабии, стр. 16.

⁵⁶ В. Н. Бутович, Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии, Киев, 1916, стр. 10—11.

⁵⁷ А. Ф. Риттих, Славянский мир, стр. 5.

дарственной границы колоний солдат-ветеранов или крестьян командующей национальности. Массовая колонизация крестьян требовала на-

личия свободной рабочей силы во внутренних областях государства, чего в большинстве случаев не имелось. В средние века в Европе колонизация, именно из-за недостатка рабочих рук крестьян, сводилась лишь к захвату феодалами-завоевателями земельных угодий в пограничных

районах и к принуждению местного населения выполнять феодальные повинности на этих землях⁵⁸. О денационализации местного населения должны были заботиться главным образом священники; но до тех пор, пока к этому делу не была привлечена школа, процесс национальной трансформации покоренных народов проходил крайне медленно. В течение 400 лет, например, линия этнической границы литовцев в Восточной Пруссии (вплоть до начала XVIII в.) мало изменилась. Значительно большие результаты получались тогда, когда в пограничные районы переселялись значительные группы крестьян из внутренних областей страны. После чумы 1709—1710 гг. в Восточную Пруссию в течение 25 лет было переселено около 30 000 немецких крестьян. Они расселялись на участках, потерявших своих владельцев во время чумы⁵⁹. Будучи посажены компактными группами в разных местах страны, немецкие колонисты (среди которых находилось значительное количество зальцбургских крестьян-протестантов, бежавших из своей страны от религиозных преследований) значительно облегчили германизацию местного населения. Вселение колонистов создало глубокие вклинения немецкого этнического элемента в литовский этнический массив и тем самым изменило сразу линию этнической границы.

Тем не менее, даже в этой, подвергшейся массовой (по масштабам того времени) колонизации стране нельзя было вплоть до конца XVIII в. наблюдать процесс быстрой и сплошной денационализации туземного литовского населения. Для немецких феодалов не играла особой роли национальность зависимых крестьян. Более того, поскольку крестьяне-литовцы беспрекословно выполняли феодальные повинности, а немецкие колонисты (в особенности свободолюбивые зальцбургцы) противились этому или вовсе отказывались от зависимого труда, помещики предпочитали иметь дело с крестьянами-литовцами. С ними было легче помещикам поддерживать свое классовое господство и сохранять нерушимой сословную пропасть, которая подчеркивалась отличием в языке (язык господ и язык народа). Большая часть зальцбургских колонистов вскоре покинула предоставленные им наделы и выехала из Пруссии, а вместе с ними исчезли и те элементы воздействия, которые придавали германизации более культурный облик.

Подобные же отношения между национальностями установились и на окраинах Польского государства, где польские помещики не очень горевали, что полонизация белорусской или украинской деревни проходит медленным темпом: «ясновельможные паны» даже гордились тем, что они говорят на другом языке, чем «хлопы», и что вера у них другая.

В начале XIX в. в отношении господствующих классов к национальной проблеме произошел крутой перелом. Идеи национальной консолидации, ставшие одним из основных принципов идеологии пробудившейся к политической жизни буржуазии, превращали гасконцев и провансальцев во французов, неаполитанцев и тосканцев — в итальянцев, пруссаков и баварцев — в немцев. Формировались европейские государства нового типа — национальные государства, и для господствующих классов этих государств было уже далеко не безразлично, существует ли между народами, населявшими их территории, национальная общность. Это был период образования европейских наций. «Нация», — писал товарищ Сталин, — является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития

⁵⁸ См. Д. Н. Егоров, Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I, стр. 470—471 и сл., а также т. II, стр. 540—542.

⁵⁹ См. M. Beheim-Swarzbach, Friedrich-Wilhelms I Colonisationswerk in Litauen, vornehmlich die Salzburger Colonie, Königsberg, 1879.

капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»⁶⁰. В многонациональном Австро-Венгерском государстве, поглотившем несколько славянских народов, не успевших сформироваться в самостоятельные нации одновременно с немцами и венграми («опоздавших», как говорит товарищ Сталин⁶¹), общая численность славянского населения настолько превышала численность командующих наций (немцев и венгров), что не могло быть и речи о возможности в короткий срок денационализировать всю славянскую массу. Поэтому, не прекращая колонизации славянских земель, господствующие классы командующих наций предпринимают одновременно и другие шаги. Появляется план проникновения немецкого и мадьярского элемента в семью и быт славян при помощи школьного обучения и административных мероприятий. Этот план не мог быстро изменить этнические границы славянских народов, но он мог в случае успеха привести к постепенной ликвидации славянских этнических массивов. План не смог быть завершён вследствие распада Австро-Венгерской монархии, но результаты венгерской национальной политики можно видеть на карте Б. Варсика, отображающей состояние мадьярско-словацкой этнической границы незадолго до второй мировой войны⁶².

В Восточной Пруссии одновременное воздействие церкви, школы и административных мероприятий (национальная дискриминация поляков и литовцев; льготы немцам-колонистам, переселяющимся в Пруссию; запрещение употреблять польский и литовский язык в суде и других присутственных местах и пр.) привело в половине XIX в. к денационализации больших групп польского и литовского населения и превращению произведенных ранее немецких вклинений и вкраплений в сплошные немецкие территории. Так создалась та прерывистая линия литовской этнической границы в Малой Литве (Вост. Пруссии), со множеством литовских островков среди онемеченного населения, которая характерна для расселения национальностей на этой территории в начале XX в.⁶³

Путем вклинений в этнический массив лужицких сербов проходила немецкая колонизация в лужицкой земле. Немецкие клинья разрезали лужицкую этническую территорию на две неравные части, а вслед затем этнические границы лужичан стали отодвигаться внутрь Верхней и Нижней Лужицкой областей под влиянием германизации туземного населения⁶⁴.

Насколько схожи методы проникновения агрессоров в инонациональные территории, показывают данные о польской колонизации восточных земель.

Раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII в. прекратил поглощение Польским государством литовских, белорусских и украинских земель. До момента своего раздела Польша еще не успела войти в ту стадию социального развития, которая характеризуется образованием нации, и потому массовая колонизация литовских, белорусских и украинских крестьян не была поставлена в порядок дня. В экономически и политически отсталом польском феодальном государстве сохранение сословно-национальных перегородок считалось более важной задачей, чем национальная консолидация. Но

⁶⁰ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, М., 1939, стр. 12.

⁶¹ Там же, стр. 13.

⁶² B. Varsík, «Národnostná hranica slovensko-magyarska v ostatnich dvoch storociach, Bratislava, 1940.

⁶³ V. Vileišis, Tautiniai santykiai maz. Lietuvoja ligi didzijo karo, Kaunas, 1935. (см. карту).

⁶⁴ См. «Меморандум лужицких сербов — последнего поработенного народа в Европе», Будышин, 1946.

после раздела в отдельных, политически разобщенных частях Польши наблюдается развитие национального самосознания, «национальной идеи»; как результат этого явилось усиление полонизаторских тенденций в отношении инационального населения. В Австрии (в Восточной Галиции), в России (в 10 губерниях бывшего Царства Польского и в смежных губерниях Западного и Юго-Западного края) польский элемент начинает играть ведущую роль в национальных взаимоотношениях населения. Польский этностатистик Закржевский, свидетельство которого особенно важно в таком вопросе, так как его нельзя обвинить в недоброжелательстве по отношению к полякам, отмечает корни влияния националистически настроенных поляков на положение в указанных областях.

«Вообще значение польского элемента в этом крае основывается не на его численности, но скорее на факторах социально-экономического порядка. В руках поляков находится до сих пор значительная часть крупной поземельной собственности: в юго-западном крае по данным, относящимся к 1909 году, во владении польских помещиков находилось 2 306 000 десятин, т. е. 16,4% общей землевладельческой площади; в северо-западных губерниях процент даже несколько больше. В этих поместьях многочислен класс арендаторов, приказчиков и служащих, большинство которых поляки».

«Затем представителем польского народного элемента, если не считать крестьян западной части Гродненской губернии, принадлежащей к польской этнографической территории, является в этом крае преимущественно так называемая мелкая шляхта (мелкопоместные землевладельцы), которая с момента соединения Литвы с Польшей не переставала колонизовать этот край, начиная с ближайшего к польской Мазовии Подлясья и распространившись затем на территорию нынешних Гродненской, Минской, Виленской и Ковенской губерний, а в меньших размерах и в юго-западном крае. Где они селились массою, там и до сих пор сохранили язык, вероисповедание и национальные традиции предков; в южных же губерниях теперь в большинстве случаев они и то и другое потеряли под влиянием окружающей малорусской среды и украинского языка»⁶⁵.

Польские ясновельможные зубры были настолько заражены спесью, что это мешало им интересоваться национальными отношениями среди простого народа, поэтому их активная роль в полонизации туземного населения не велика. Но польская шляхта играла в этом деле значительную роль. Через нее проникали в белорусскую, украинскую и литовскую деревню польский язык и польские обычаи, распространяясь на первых порах среди деревенской буржуазии. Эксплоататорские группы населения среди угнетенных национальностей легко и охотно поддавались денационализации. Так создавались среди литовских, белорусских и украинских этнических массивов небольшие островки ассимилировавшихся людей, добровольно отрекшихся от своего народа, чтобы стать ближе к классово родственным им слоям господствующей национальности.

Совершенно иначе сложилось положение после того, как Польша, в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России, получила возможность объединить свои земли и создать национальное государство. Международная обстановка того периода позволила Польскому государству включить в свой состав большие территории, заселенные непольскими народами. Чтобы удержать эти территории за собой и не допустить в них развития национально-освободительного движения, государство Пилсудского решило

⁶⁵ А. Закржевский, Указ. работа, стр. 111.

ополячить окраины, т. е. сделать то, что ход исторических событий помешал Польше выполнить в XIX в. В течение двух десятилетий католическая церковь, польская школа и польская администрация были заняты этой задачей. В пограничной полосе были поселены бывшие солдаты, «осадники», получившие большие земельные наделы. Они выполняли не только колонизаторские, но и охранные функции. Подобными мерами польскому правительству удалось изменить прежние линии этнической демаркации: так объясняется то продвижение польской этнической границы на восток, которое произошло между первой и второй мировыми войнами.

Приведенные выше примеры, которые можно было бы умножить, показывают, насколько конфигурация этнических рубежей зависит от хода исторического развития и складывающихся в этом процессе национальных взаимоотношений.

Итак, современные этнические рубежи (я с большими оговорками называю их границами, настолько далеки они в своем большинстве от линейной конфигурации, присущей границам) являются результатом сложных процессов образования и трансформации. Линии их неустойчивы, находятся в состоянии изменения и поэтому должны устанавливаться лишь на определенную дату. При таких условиях может показаться утопией попытка классифицировать эти рубежи, свести их к нескольким немногочисленным типам.

Если бы классификация сводилась только к подразделению этнических границ по их конфигурации, то следовало бы заранее предсказать неудачу подобной попытки. Этническая немецко-литовская граница в Малой Литве, например, своей конфигурацией в начале XX в. настолько резко отличалась от этнической польско-литовской границы в Сувалкском крае в тот же период, что по внешней форме их никак нельзя было бы отнести к одной группе. Между тем этнические процессы, происходившие на этих границах, были схожи, как схожи между собой старший и младший братья. Заключались эти процессы в том, что литовцы, поставленные в худшие социальные условия (экономические и политические) и национально угнетенные, не имели возможности развивать свою национальную культуру, подвергались германизации и полонизации. Более пассивные элементы литовцев денационализировались, воспринимали чужой язык, чужие обычаи. Более стойкие и активные сопротивлялись денационализации, но внешнее воздействие было настолько сильным, что область литовской культуры с каждым десятилетием географически суживалась. Чужой язык вторгался в семью и быт, создавая на первых порах двуязычие как переходную ступень к полной утере родного языка. Молодежь с каждой новой сменой поколений все ближе придвигалась к черте, за которой постепенная денационализация превращается в полную ассимиляцию.

В Малой Литве этот процесс зашел очень далеко, и в первых десятилетиях XX в. обнаружилась совершенно явственно опасность того, что дальнейшая германизация туземного населения может привести к полной денационализации литовцев, проживающих южнее Немана (Южно-Мемельская область в Восточной Пруссии накануне второй мировой войны). В Сувалкском крае этот процесс несколько задержался: разрушительное действие полонизации было ослаблено на время тем, что поляки-землевладельцы и поляки-администраторы сами не принадлежали к командующей нации. На этой стадии конфигурация этнической границы сохраняла четкость линий демаркации и рубежи двух этнических массивов (литовского и польского) выступали совершенно отчетливо. Но эта стадия, характерная для начала XX в., сменилась совершенно иной конфигурацией той же границы после 1931 г., когда польский этнический элемент (если верить польским официальным статистическим

данным) совершенно дезорганизовал остатки литовского этнического массива. Следовательно, литовско-немецкая этническая граница в Малой Литве в начале XX в. и литовско-польская этническая граница в Сувальском крае в тот же период были границами одного и того же типа, но разная конфигурация их объяснялась тем, что процесс денационализации туземного населения (в данном случае литовского) находился в разных стадиях своего развития.

Подведем итоги.

Попытка обобщенной характеристики этнических рубежей в Европе вполне возможна и своевременна, но эта характеристика не может ограничиваться конфигурацией этнических границ, а должна давать представление о происходящих этнических процессах. На данной стадии изучения европейских этнических границ можно выделить по крайней мере три основных типа.

На этнических рубежах первого типа,— когда соприкасаются национальные культуры, чуждые друг другу,— линии этнической границы в условиях относительной стабильности проходят, резко разделяя соседние этнические массивы. Когда народы-соседи неравноправны, линия этнической границы имеет тенденцию отодвигаться за счет территории той народности, которая поставлена в худшие правовые и экономические условия. Национально угнетенные народы уступают свои территории в той мере, в какой они насильственно, путем экономического или внеэкономического принуждения, удаляются с территорий, обжитых ими, или в той мере, в какой туземное население этих территорий денационализуется и ассимилируется. В виде переходной ступени к ассимиляции наблюдается распространение двуязычия, чему сопутствует проникновение в семью и быт чужих навыков и обычаев.

Четкие линии этнической границы этого типа лишаются своей резкости и выразительности по мере того, как денационализация и ассимиляция туземного населения проникают в самую толщу этнического массива.

На этнических рубежах второго типа,— когда соприкасаются родственные национальные культуры,— линию этнической границы установить трудно. Во многих пограничных районах инонациональное население живет не только географически смешанно, но и создает смешанные переходные формы быта и переходный говор. Отдельные группы населения при этом настолько сближаются по своим этнографическим признакам, что их национальную принадлежность можно установить лишь в меру развития национального самосознания.

На этнических рубежах третьего типа,— когда соприкасаются не родственные, но и не очень далекие друг от друга национальные культуры,— линии этнической демаркации выступают достаточно отчетливо, но не на всем протяжении границы: их могут прерывать более или менее узкие полосы территории, заселенной смешанным (в географическом отношении) населением. В пограничных районах распространено двуязычие, но население, даже живущее в смешанных районах и двуязычное, без труда определяет свою национальность по происхождению.

Из этих положений можно сделать некоторые практические выводы, имеющие значение для составления этнографической карты. Этнические границы первого типа в их идеальном виде, т. е. в условиях относительной стабильности, можно в настоящее время очень редко встретить в европейских странах. Границы же второго и третьего типов всегда пестрят полосами смешанных в национальном отношении районов. Выразить такие рубежи в виде непрерывных линий обычной границы нельзя сколько-нибудь убедительно, ибо попытки соединить концы таких линий, которые по идее должны отграничить сплошные территории, заполненные однородным в национальном отношении насе-

лением, совершенно не выполнимы. Если демаркационные линии проводить по рубежу самих этнических массивов, то районы смешанны останутся вне демаркации. Следовательно, линейный принцип, обычно демаркации мало применим к современной этнографической карт Европы. В основу построения такой этнографической карты следуе положить иной метод: расселение национальных и этнографически групп населения наносить путем выявления их удельного веса в пределах возможно мелких административных территорий, если не существует подробных данных о национальном составе населения по каждому населенному пункту, которые дадут возможность или снять с карт обозначение территории как «смешанной», или максимально уменьшить ее границы.

Специальные этнографические крупномасштабные (топографические) карты можно составлять лишь по материалам сплошных этнографических обследований на месте.
